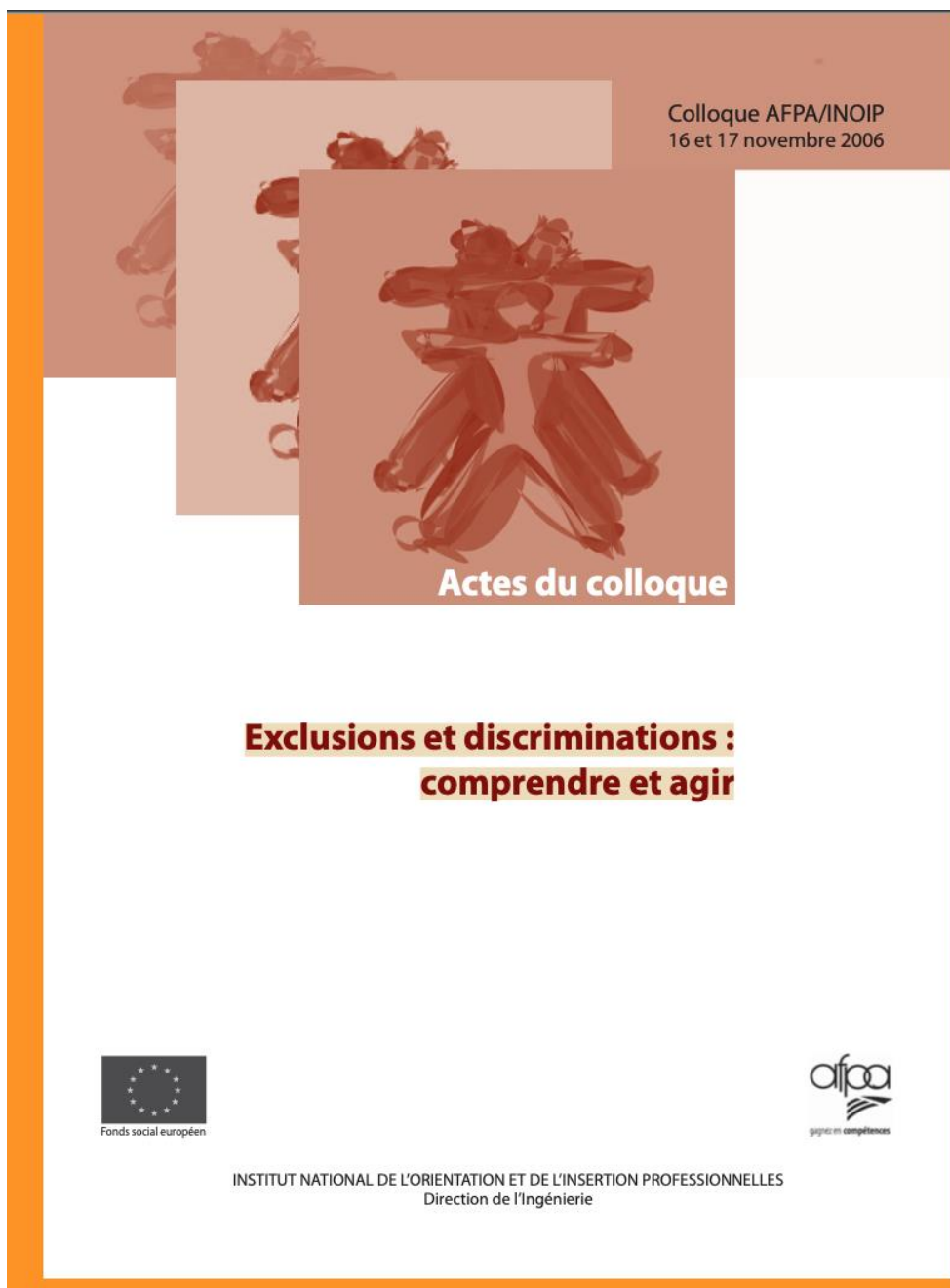

Исключение и дискриминация: понимание и действия

Коллоквиум AFPA-INOIP по исключению Лилль 16-17 ноября 2006 г.

Презентация конференции Бруно СИМОН (AFPA - директор INOIP)

Выступающие:

Жером ДИ ЖИОВАННИ (ACCÉSSS - Alliance des communautés culturelles pour l'égalité dans la santé et les services sociaux - Montréal Canada) Сегрегация людей с ограниченными возможностями и право на равные результаты 9-12

Пьер Тап (Европейский центр исследований поведения и институтов - CEICI - Португалия) Влияние исключения и дискриминации на личную и коллективную идентичность

13-24

Асен ЗЕХРАУИ (LISE CNRS CNAM - Париж) Молодежь и интеграция - полоса препятствий

25-30

Мишель МЕРСЬЕ (Университет Намюра - Бельгия) Недискриминация, позитивная дискриминация и социальная интеграция людей с ограниченными возможностями 31-36

Давид Бургуигнон (Университет Лувена - Бельгия) Я безработный, я стигматизирован 37-44

Женевьева ВИНСОННЕАУ (Университет Париж V) Гетерофобия и социальное конструирование иностранца 45-52

Сид Ахмед АБДЕЛЛАУИ (Университет Руана) Всемогущество замаскированного расизма или как довести до сознания то, что работает в наших отношениях со стигматизированными видимыми меньшинствами 53-58

Кристоф АНДРЕ (Университет Париж X) Социальное отвержение и самооценка 59-64

Люси ЛАМАРШЕ (Университет Шербрука - Канада) Обратная сторона профессиональной изоляции 65-70

Дени КАСТРА (Университет Бордо) Профессиональное исключение как консенсус 71-74

Рауль МЕЛО (Министерство здравоохранения, Институт наркотиков и наркомании - Португалия) Жили-были ...в другом мире или создание контекстов социальной интеграции через игру 75-82

Жан-Франсуа АМАДЬЕ (Университет Париж I) Как можно выявить дискриминацию? Какие инструменты измерения доступны? 83-90

Дирк ШТЕЙНЕР (Университет Ниццы - София Антиполис) Восприятие справедливости как механизм понимания и борьбы с дискриминацией в сфере занятости 91-96

Клод Лемуан Послесловие 97-98

Влияние изоляции и стигматизации на личную и социальную идентичность

Пьер Тап ¹

Введение

Среди исследователей в области гуманитарных и социальных наук постоянно ведутся методологические дебаты о сложном сочленении научного объяснения и субъективного понимания ситуаций и объектов исследования. Я всегда отстаивал необходимость такой артикуляции, которая заставляет нас перемещаться между индивидуальными или коллективными историями жизни и тематическими исследованиями, с одной стороны, и строгими и количественными исследованиями на больших выборках, с другой.

Но возможно ли определить идентифицируемые группы населения как "исключенные"? Это связано с тем, что само понятие социальной идентичности подразумевает идентифицируемое отнесение к той или иной категории, сопровождаемое квалификаторами. Я хотел бы показать здесь необходимость анализа отчуждения, как объективной реальности и как переживаемого чувства, в его сложных отношениях с многочисленными коллективными идентичностями и с личной идентичностью. Но, как и в устной презентации в Лилле, я начну размышлять вместе с вами со встречи, которую я описала как "вопрос", как в личном, так и в теоретическом плане, об идентичности бездомного и моей собственной идентичности в отношении исключения и стигматизации.

Встреча "с вопросом"

Сегодня четверг, 24 марта 2005 года. Из Памье мне нужно ехать в Тулузу на информационную встречу по роджериянской терапии ²(вечером, в центре "Возрождение в мире") и на защиту диссертации Александры (на следующий день). Я хочу поехать на поезде, но планируется автобус до станции Auterive (30 км; 20 минут), где мы пересядем на поезд до Тулузы. Много народу, я сажусь у окна, справа от меня свободное место, со стороны коридора. Я вижу, как приходит мужчина, "в стиле бомжа" (!), явно пьяный. Издалека, указывая пальцем в мою сторону, он кричит: "Я иду

¹ Почетный профессор психологии Тулузского университета Ле Мирай, соучредитель Европейского центра исследований поведения и институтов (CEICI, Коимбра, Португалия). Член Центра исследований в области образования (CNAM, Париж) Официальный сайт: www.pierretap.com.

² Тот факт, что я роджериянский терапевт (профессиональная идентичность), конечно же, занимает важное место в ориентации моей личной идентичности, и, более того, я буду задавать себе вопросы об этом в отношениях, о вторжении в которые я здесь рассказываю.

рядом со стариком"! ³(Он тяжело садится рядом со мной, смотрит на меня... Я делаю то же самое! Я делаю то же самое! - (Он) Л. "Старики... Я их уважаю", - говорит он, поглаживая лацкан моего пиджака... - Кто вы? Ваша раса?" - ⁴спрашивает он, пристально глядя на то, что он назовет моей "папкой" или "сумкой" (портфель)... "С вашей кожаной папкой, кто вы?". Конечно, это насильственное вторжение заставляет меня сначала чувствовать себя неловко... Однако я думаю о роджерианских установках в терапии (эмпатия, конгруэнтность, безусловная позитивность), но в данном контексте это не очевидно! Быть сосредоточенным на человеке, слушать его, даже если он допрашивает меня в полицейском режиме! - Л. (Ему) У тебя хорошее лицо! - М. (мне) Как Дед Мороз! Он злится... Мне даже кажется, что он собирается меня ударить. - Л. Нет, оставьте Санту в покое (я в это не верю!)! Вы не отвечаете на мои вопросы! Что вы делали сегодня утром? Я решаю ответить ему и завязать настоящий диалог... - М. Я читал - Л. Что ты читал? - М. Диссертация об инвалидах, слепых и глухих... - Л. А, учитель! ... Что у вас в сумке... Откройте сумку! (Внутренне я улыбаюсь, думая, что он хочет, чтобы я "опустошил свой мешок", сказал все о том, что я есть! Определение бытия по наличию: лица, тела, полотенца...). - М. В моей сумке диссертация Александры, которая будет защищена завтра в Тулузе - Л. А! Открой свою сумку, покажи мне диссертацию! Я открываю сумку, достаю диссертацию и показываю ему. ... Его отношение меняется, как будто мой ответ был знаком доверия к нему. Он внимательно и вслух читает заголовок "Психологический опыт подростков с сенсорными нарушениями: самооценка, чувство интеграции, стресс, стратегии преодоления и самоориентация у слабослышащих и слабовидящих подростков"... Он останавливается на словах "психологический" и "преодоление", но не задает никаких вопросов. Затем он читает "члены жюри". - Л. "Но тогда вы судья". Я объясняю ему, что не все присяжные являются "судебными"! - Л. Это хорошо... Обложка красивая⁵, но главное - то, что под ней! Он перелистывает диссертацию и дважды делает вид, что отдает ее мне, потом забирает обратно (как бы проверяя мою уверенность: этот драгоценный предмет я мог бы у вас украсть...). Наконец он возвращает мне его, довольный... Я с некоторым трудом убираю диссертацию обратно в портфель, он чувствует мои толчки. - Л. Подожди, давай я тебе помогу... Не бойся меня! - М. Меня трясет с детства... Ты тут ни при чем! Затем он спрашивает меня о моей инвалидности и ее происхождении, а затем о моем собственном происхождении. - Л. Я уважаю стариков, потому что они пережили то, чего не пережили мы... Вы были в Соппротивлении? - М. Нет, я была ребенком во время войны. Л. Вы кого-то убили? - М. Нет - Л. Я сделал... (далее следуют заикающиеся предложения и тишина) (...) - Л. Как ваше имя? - Месье Пьер - Л. Ну, месье Пьер, вы милый. Давай пожмем друг другу руки. В последующие минуты он предлагал этот ритуал общения четыре раза, но в пятый раз он протянул указательный палец и попросил меня коснуться его своим указательным пальцем... Я понял значение этого жеста только на следующий день, в связи с обложкой диссертации и сотворением Адама (см. примечание 5). Рукопожатием завершается соглашение или сравнительная ситуация. - Л. У тебя есть девушка? - М. Нет, я живу одна - Л. Я тоже! (рукопожатие!) ... Вы пробовали? - М. Да, но я в разводе. - Л. Я тоже!

³ Следует отметить, что у него был выбор из нескольких свободных мест в автобусе. Почему он решил "сесть рядом со стариком"? Наверное, потому что я смотрел на него, тогда как мы обычно опускаем голову и не смотрим в лицо бездомным?

⁴ Таким образом, социальные классы, профессии и т.д. обозначаются как "расы". Позже он возвращается к "расам" (социальным и культурным различиям). Я отреагировал, сказав, что не согласен. "Я антирасист... Мы все равны. Он согласился, но пожалел, что "обманулся" его противоречиями ("Ладно, черт с ним! Он меня поймал!"), доказательством того, что он переживал ситуацию как драку...

⁵ Следует отметить, что фоновое изображение на обложке представляет руку Бога и руку Адама, символизируя "Сотворение Адама", работу Микеланджело. -

(paluche) ... Ты избил ее?! - М. Нет! - Л. Это я! (не лапаты!) - Л. Что ты с ней сделал?... - М. У нас были разногласия (!) - Л. Никто не идеален! Он связывает самооценку с вопросами, которые он задает: - "Хороший вопрос, не так ли? Несколько раз он говорит о себе, не имея никакой связи со своими вопросами. Но эти вопросы - способ оценить себя и проверить, насколько он может доверять мне. Я узнаю, например, что он родом из Андорры, где он покупал сигареты, чтобы продавать их во Франции. В результате ему хочется курить, хотя это запрещено в автобусе. Я указал ему на это. Он не обращает на это внимания и зажигает сигарету. Водитель напоминает, что курить запрещено. "Это немного богато, что вы не можете обойтись без него в течение пятнадцати минут". Затем мой собеседник тушит сигарету, раздавив ее о ноготь большого пальца! Через несколько секунд он слышит звонок мобильного телефона. Он поворачивается к юноше и говорит: "Если кто спросит обо мне, скажи, что меня нет! - Л. Так вы психиатр? - М. Нет, я психолог. - Л. Ах, это мне подходит! Но кто вы - фрейдист или лаканианец? - М. Ни то, ни другое, я роджерсианец" - Л. Кто это, Роджер (Роже)? - М. Нет, Роджерс (Роджерс), Карл Роджерс, предложивший личностно-центрированную терапию. - Л. Запишите его имя! - М. У меня нет бумаги. Он достает из кармана лист промасленной бумаги, размером с четыре марки. Я пишу на нем Карла Роджерса⁶. Он удовлетворенно складывает бумагу в карман и говорит мне: - Л. Для меня важно то, что вы сейчас сделали... - Л. В терапии бывает, что человек меняется от слов, которые вы произнесли? - М. Возможно, но мы редко об этом знаем... Или двадцать лет спустя! Но важно то, что человек открывает для себя сам. - Л. И может ли терапевт измениться? - М. Конечно, он тоже участвует. Он начинает очень сильно стучать по полотенцу (до боли в пальцах) и говорит: - Л. "Там столько всего! - Л. Я люблю поэзию... Нерваль... Бодлер... А кто ваш любимый поэт? - М. В наши дни - Дю Белле, потому что он написал "Счастлив тот, кто, подобно Улиссу, совершил прекрасное путешествие, а затем вернулся полным пользы и разума, чтобы прожить остаток жизни среди своего народа"⁷, и это вполне соответствует моим заботам (как пенсионера!)... - Л. Ах, да, Дю Белле, поэт Средневековья... Я хотел бы также предложить предложение: "Нужно пережить внутренний хаос, чтобы увидеть жизнь с красотой падающей звезды"⁸ (Он ассоциирует это предложение с Ницше). А теперь, что бы вы хотели? - М. Мне предстоит операция на желчном пузыре. Я бы хотела, чтобы все прошло хорошо! - Л. Ну, теперь я перестану задавать вопросы... Но вам следует есть меньше сытного! Он не говорит, чего бы ему хотелось, потому что мы прибываем на станцию Аутериве. Прежде чем слезть, он предлагает поцеловать меня. Что мы и делаем. Он выходит и идет поговорить с начальником станции. Я сажусь в поезд. Когда я проходил мимо в коридоре, он увидел меня и сказал: "Это ты? (Как бы убеждая себя, что наш диалог ему не приснился!), "да". Затем он обращается к двум стоящим рядом путешественникам и говорит: "Вы узнали его? Это он! Он мой наставник! Весь этот сценарий длился менее двадцати минут! Но что это было - театр или кино? За эти 20 минут вопрошающий, чьего имени, фамилии и прозвища я не знаю, успел разговаривать со мной, получить обо мне много информации и раскрыть минимум информации о себе. И все же... у меня было ощущение, что с ним тоже что-то случилось. Должен сказать, что с того момента, как я решил "говорить по правде"

⁶ Тот факт, что я написал Карл, а не Карл, показывает, что я не был полностью безмятежен!

⁷ После проверки: Дю Белле говорил не только об Улиссе, но и о Ясоне, завоевавшем Золотое руно. Он говорит "жить среди своих родителей...", а не "жить среди своих". Для меня это существенные ошибки и упущения! Я недавно вернулся жить в город моего детства.

⁸ Я не знал этой ссылки и не пошел проверять. Но португальский коллега обратил мое внимание на фразу Ницше, начертанную на одной из станций лиссабонского метро: "Чтобы родилась падающая звезда, нужно много (внутреннего) хаоса".

(конгруэнтность), я больше не чувствовал запаха его алкоголя, я больше не видел ран на его лице, я сосредоточился на его глазах, подвижных и живых. После этого я сказал себе, что эти 20 минут были самой короткой терапией в моей профессиональной жизни... Да, она была ориентирована на человека, но на какого? Мой собственный? Точно его? Может быть, и то, и другое? Несомненно! Очевидно, в этом диалоге нет ничего роджерианского и ничего терапевтического... и все же?! ... Что-то важное произошло для обоих героев. ...

Влияние личной вовлеченности в объект исследования

Я хотел бы закончить эту встречу, прояснив несколько моментов, которые важны для понимания этой истории и очень вовлеченного способа, которым я ее рассказываю.

1. Я была явно "отмечена" этой неожиданной встречей, потому что в то же самое время один из моих собственных сыновей исчез на несколько месяцев, появившись только с наступлением холодов и рассказав нам, как он жил жизнью бездомных в Париже... между его отъездом, после его сорокалетия,⁹ и его возвращением на Рождество;

2. Я сразу же рассказал всем своим родственникам эту "автобусную историю", которая была интенсивно пережита как значимая для моей собственной нарративной идентичности¹⁰. Затем у меня была возможность наблюдать важность эффектов памяти. Моя история завершалась с каждым новым "рассказом" и по мере того, как определенные части диалога возвращались ко мне;

3. Вот почему я решил не только написать, но и рассказать и опубликовать эту часть моей личной жизни, которая была так сильно поставлена под сомнение неизвестным вопрошателем. Для каждого исследователя "самость ненавистна", и все же она обязательно вмешивается в выбор и обращение с объектом исследования. Отрицание этих неявных и часто добровольно скрытых или закамouflированных влияний не меняет их реальности. Если читателя шокирует мой подход, я прошу прощения, но, как справедливо отмечает Паугам, чтобы понять процессы, происходящие в процессе исключения, или социальной дисквалификации, необходимо задействовать два основных измерения:

* На макросоциологическом уровне - коллективные и общественные представления, связанные с этими явлениями, которые способствуют выработке (идентификации) "категорий" людей, считающихся "бедными", "нестабильными" или "исключенными". Эти процессы категоризации строятся через учреждения социальной помощи, институциональные формы социального вмешательства (государственные или частные)

¹¹

⁹ ... годовщина сопровождается самокарантином, вызванным многочисленными нагрузками, но не связанными с экономическими и финансовыми потребностями

¹⁰ Я уже обсуждал важность понятия нарративной идентичности, предложенного Полем Рикором (1990), в статье "Идентичность и исключение" (Тар, 2005, pp.60-62).

¹¹ По своему опыту могу сказать, что эти вмешательства не ограничиваются услугами социальной помощи (социальная помощь, финансовая помощь, управление РМО и т.д.). Они также касаются полиции, медицины (Саму, службы скорой помощи, психиатрических больниц), банковской сферы (блокировка счетов, исключение банков), судебной, местной (мэрии) и т.д...

* На микросоциологическом уровне¹² необходимо принимать во внимание значение, которое население (индивиды) придают своему жизненному опыту, поведение, которое они демонстрируют по отношению к тем, кто воспринимает и обозначает их как "исключенных", и способы адаптации, которые они разрабатывают в различных ситуациях, с которыми они сталкиваются (Paugam, 2002, 2001, 1996, 1993). (Эти замечания относятся и к самому исследователю, который не является раскольником или недовольной машиной).

Я полностью поддерживаю эту двухмерность, как и Кабель, когда он противопоставляет ось места работника в разделении труда оси участия того же человека в сетях общительности (Castel 2001, 1995, 1991). Но главный вопрос, на мой взгляд, заключается в том, что эти измерения, а также эти оси могут восприниматься и/или переживаться как позитивные или как негативные: будь то работа или семья и дружба, смыслы и поведение, воспринимаемые и переживаемые как легитимные или нелегитимные. Когда мы говорим о дисквалификации в области спорта, речь идет об исключении в той мере, в какой спортсмен не соблюдает правила работы своего вида спорта.

Следует отметить, что социальное исключение не относится к самодисквалификации, хотя такой процесс имеет место. Что касается разъединения, то здесь мы находим термин, близкий к ассоциациям, союзам или партиям. Присоединение подразумевает как внешнее давление (от дружеского давления до прозелитизма), так и внутреннее решение (согласие посвятить себя коллективному делу, которое выходит за рамки самого себя и в которое человек верит). И наоборот, отсоединение может быть внешним решением (исключение, отлучение и т.д.) и/или внутренним решением (отказ от продления контракта или карты, добровольное отсоединение). Из этих нескольких замечаний мы видим, что необходимо сформулировать два двухмерных аспекта: тот, который противопоставляет позитивное и негативное, и тот, который вводит место принятия решения, путем внутреннего или внешнего контроля. Конечно, другие измерения усложняют это простое¹³ представление. Например, оппозиция между активностью и пассивностью отверженных, между осознанием и трудностью преобразования своего поведения (бросить курить и т.д.). От интеграции к исключению: от слов к людям ... в боли. Сегодня все больше людей испытывают экономические трудности, сталкиваются с безработицей и ухудшением условий жизни. Эти трудности могут усугубляться стигматизацией личности. Стабильность и чувство единства, заложенные в самом понятии идентичности, становятся невозможными. Неуверенность и нестабильность связаны с общей динамикой виктимизации¹⁴; они распространяются на различные жизненные условия, а также на различные виды деятельности человека. Поэтому изучение последствий исключения оправдано в связи с индивидуальным опытом, изменением социальной практики и изменением или

¹² Этот уровень в точности соответствует "био-психо-социальному" уровню, о котором я говорю. Но мое замечание не претендует на полемичность!

¹³ Я не говорю упрощенно, потому что мышление парами (белое-черное, день-ночь, правое-левое и т.д.), которое Анри Валлон хорошо проанализировал на детях (1945), конечно, должно быть преодолено, но не заклеено, за исключением тех случаев, когда оно используется не для дискриминации-дифференциации (подразумевающей уважение к различиям), а для дискриминации-стигматизации (расизм и т.д.)! (Обратите внимание, что цветовая дискриминация по восприятию не является стигматизирующей, а расовая дискриминация является). Язык играет важную роль в динамике интеграции-отчуждения-сцепления. Но эта роль зависит от связей между языком, действием, осознанием и утверждением ценностей.

¹⁴ В статье в Connexion (2005) я напомнил о коллективной и индивидуальной важности этого процесса виктимизации и его последствиях для поведения.

укреплением культурных ценностей. Озабоченность этими последствиями охватывает все гуманитарные науки и касается всех сфер общественной жизни, особенно тех, которые связаны с работой, здоровьем и образованием. Исключение переживается как несправедливое насилие. Важно знать, действительно ли ведется борьба с его последствиями, и развиваются ли противоположные процессы сплочения, встраивания или интеграции. Когда мы анализируем, как используются понятия "сплоченность", "встраивание" и "интеграция" не только в исследовательской литературе об исключении, но и в официальных речах и документах правительства, политических партий или ассоциаций, которые должны находить решения на местах, возникает сомнение в том, что существует какое-либо согласие относительно вовлеченных процессов, не говоря уже о средствах предотвращения исключения и его последствий. Тем не менее, упомянутые понятия являются частью систем представлений и ценностей, которые определяют дискурсы власть имущих и управляемых ими социально-экономических и общественно-политических институтов. Но они также неявно активны в решениях и поведении, которые вплетаются в личное и реляционное существование каждого гражданина. Например, мы отмечаем, что термин "вставка" в основном связан с профессиональным миром, а термин "интеграция" используется почти исключительно по отношению к иммигрантам. Что касается ставшего модным¹⁵ термина "когезия", то авторы редко уточняют его значение, как будто оно само собой разумеется. Поэтому важно предложить достаточно четкие и дифференцированные определения. Если обратиться к работам психосоциологов, начиная с Lewin (1972), то сплоченность "это совокупность сил, которые притягивают или удерживают каждого члена в группе".¹⁶ Но Картрайт и Зандер (1968) уточняют, что чем сильнее взаимозависимость, тем больше точек зрения в группе будут стремиться к однородности и тем больше отклонений и девиаций будет санкционировано. При сплочении группа превалирует над индивидуумом в той мере, в какой последний должен отказаться от своих особенностей и принять на себя обязательства по конформизму и консенсусу. Конечно, сплоченность не может быть декретирована. Она может быть только результатом работы над функциями поддержания (группы), когда силы прогресса (включая, но не путая с силами производства) вышли из строя.¹⁷ Понятие "вставка" подразумевает идею включения в территорию, инвестирования в коллективное пространство. Вставленная система занимает место, позицию в принимающей системе. Она "встроена", "интеркалирована", но остается четко дифференцированной. Она не сливается с целым. Например, вставка в книге не является ее частью; ее можно удалить. Наконец, понятие интеграции, как следует из его этимологии, подразумевает идею единства, полноты, цельности. Система является интегрированной, если существует "игра", гибкость, в артикуляции и функциональной взаимозависимости между подсистемами (группами или людьми); каждая из этих подсистем сохраняет дифференцированную идентичность, позицию и функцию.

¹⁵ Что касается модных понятий, таких как устойчивость, проект, сплоченность и т.д., отметим, что их появление соответствует именно тому моменту, когда повседневная деятельность людей и институтов воспринимается как отчужденная, когда мы живем изо дня в день, без предвкушения и проекта, когда мы представляем себе решения для выхода из невыносимой ситуации, которая повторяется. Поэтому мода представляется полезной стратегией в борьбе с этим самым отчуждением: утопия, мечты и воображаемые решения иногда могут вернуть надежду, а через нее - средства, индивидуальные или коллективные, для достижения "прорыва".

¹⁶ Жермен де Монмоллен, 1977, с. 154 прим.

¹⁷ Силы поддержания - это те силы, которые группа использует для разрешения конфликтов, проведения переговоров и посредничества, а также для поддержания сплоченности, необходимой для реализации общих проектов. Для того чтобы действовать, группа мобилизует силы прогрессирования, которые затем сменяют силы поддержания.

Поэтому истинную интеграцию нельзя путать ни с ассимиляцией (когда подсистемы больше не дифференцированы), ни с индивидуалистической или сектантской дифференциацией (когда подсистемы больше недостаточно артикулированы друг с другом, а утверждение превалирует над интеграцией). Очевидно, что интеграция противоположна исключению, поскольку она подразумевает возможность приема новых членов, которые смогут наладить связи и управлять функциями по отношению к старым. Термин "интеграция", как мы видели, используется в отношении приема иммигрантов, но теоретически он применим ко всем внутренним группам и институтам (семья, школа, компания, район, регион, страна). Поэтому гибкость является одной из характеристик интегративной системы. На индивидуальном уровне его можно определить как способность человека разрабатывать новые стратегии, отказываться от старых, если они стали неэффективными, неактуальными или опасными, что будет способствовать хорошей адаптации. Такая адаптивная гибкость подразумевает способность идти на уступки, управлять противоречивыми требованиями наилучшим образом.

Исключение как негативная динамика

Но давайте перейдем к вопросу об исключении как таковом. По словам Кастеля, это слово охватывает¹⁸ большое количество людей с разнородными характеристиками: бездомных, длительно безработных, инвалидов, молодых людей в пригородах. Со своей стороны, Паугам считает термин исключение пресуппозицией, в дюркгеймовском смысле, который является одновременно неопределенным и двусмысленным. Но он также говорит о нем как о концепции-горизонте, поскольку исключение позволяет нам лучше понять неудачи социализации, проанализировать воспроизводство неравенства и его пределы, лучше определить ослабление социальных связей и его последствия, и, наконец, уточнить вторжение кризисов идентичности.¹⁹ Однако эти два автора подчеркивают важность социального суждения в самом определении исключения. Паугам говорит о социальной дисквалификации²⁰, а Кастель - о социальной инвалидности²¹. Люди на самом деле не исключены из общества, но они негативно категоризированы (стигматизация) и проходят через сложный процесс уязвимости-дестабилизации и разобщения (Кастель) или хрупкости-помощи-зависимости, прежде чем достичь фактической маргинализации (Паугам). Даже те бездомные, которые отрезали себя от социальных служб, остаются в положении просителей, попрошайек и принимают различные формы поведения по отношению к прохожим (ср. бездомных попрошайек и их конфликты с работниками бездомных). Жизнь бездомных может быть тяжелой, как сказал один человек на одном из сайтов о бездомных: "Вы никогда не оказываетесь на улице случайно. Перед этим всегда есть очень длинная история, иногда уходящая корнями в детство. Чтобы немного сократить это, давайте скажем, что однажды давление на ваши плечи достигает предела. И ты ломаешься. В этот день окружающие вас люди, волнуясь или радуясь тому, что больше не видят вас, задаются вопросом, что с вами будет дальше. Ты ходишь. Бесцельно. Бесплатно. Безмерно свободен. Груз, который давил вас, исчез в один момент... Он бурлит в вашей голове. Ты знаешь, что не вернешься. Каждый ваш шаг отдаляет вас от вашего прошлого, вы оставляете за каждым углом коробки с воспоминаниями. Вы

¹⁸ Кастель, 2001, дебаты часть 1 стр.2

¹⁹ Паугам (2002, 2001, 1996)

²⁰ см. книгу, написанную на основе его диссертации "La disqualification sociale: essai sur la nouvelle pauvreté" 2002, PUF coll. Quadrige

²¹ 20 Упоминается в дебатах, организованных НКЗН, см. Кастель (2001)

понятия не имеете, что с вами будет дальше, и это заставляет вас смеяться. На несколько часов. Потому что тогда это становится все менее и менее смешным. Состояние благодати длится до тех пор, пока вы тратите деньги, которые у вас еще есть, в лучшем случае несколько дней. Затем, очень быстро, ответная реакция становится еще более жестокой, потому что она была отложена. Тогда искушение выйти из игры может стать сильным. Вы можете совершить самоубийство, которое имеет тот недостаток, что оно необратимо. Вы можете закончить себя более медленно с помощью алкоголя, наркотиков и/или более или менее галлюциногенных молекул. Это длится до тех пор, пока длится, и когда он отступает, остается не так много, чтобы восстановить его. Наконец-то вы можете положить пару вещей на дно сумки и идти по своим делам. Добро пожаловать в клуб"²². Как показали профессионалы в области психиатрии (врачи и социальные работники) и, например, команды ORSPERE²³, больницы и клиники сегодня все чаще сталкиваются с новой темой, связанной с отчуждением и психологическими страданиями. Нетипичные, страдающие, десоциализированные и нестабильные пациенты прибывают во все возрастающем количестве..." в рамках существующих механизмов интеграции, которые оказываются неэффективными. На протяжении многих лет проводимая политика социальной интеграции показала свою ограниченность перед лицом отчуждения. Как проблема психического здоровья, этот психосоциальный дистресс ставит под сомнение государственную психиатрическую систему. Она также свидетельствует о появлении новой области психопатологического страдания, для которой обычные психиатрические и психотерапевтические практики оказываются неэффективными. Это психопатологическое и психосоциальное страдание неизбежно пересекает идентичность. Бездомные на 90% состоят из мужчин. Культурные различия по-разному влияют на страдания мигрантов и изгнанников²⁴. Идентичность также ставится под сомнение болезнью (Tap, Tarquinio и Sordes-Ader (2002) и т.д.).

В любом случае, можно сделать два важных предположения;

- Первое можно вывести из предыдущих замечаний: все больше людей оказываются в трудной ситуации, независимо от ее происхождения, и они чувствуют социальное и психологическое недомогание, они сталкиваются с дистрессом, психосоциальным страданием, связанным с "длительностью процессов разрыва и исключения, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне", что приводит к "поразительному постоянству неудач".²⁵

²² Я не нашел в Интернете ссылку на этот сайт, но свидетельства множатся в Сети, не говоря уже о действиях "детей Дон Кихота"... и их юморе... "Санчо Панса, вернись... Дон Кихот здесь!"... готовый снова сражаться с ветряными мельницами!

²³ См. веб-сайт ORSPERE, за который отвечает (или отвечал) Жан Фуэро: <http://www.ch-le-vinatie.fr/ORSPERE/publications/sante-mentale-exclusion.htm>

²⁴ См. на эту тему прекрасную работу Каэса и других авторов: *Différences culturelles et souffrances de l'identité* (1998). См. также многочисленные материалы по межкультурной тематике в этой книге.

²⁵ Согласно докладу Лазаруса "Страдания, которые больше нельзя скрывать" (*Les souffrances qu'on ne peut plus cacher*), межминистерской делегации РМО, эти страдания, безусловно, касаются людей, живущих в ситуации большой неустроенности, но они также возникают в связи с трудностями социализации детей и подростков в семейной и школьной среде. Они присутствуют при росте насилия в семьях, школах и городах, а также в учреждениях по уходу. Со своей стороны, взрослое население страдает от значительного ослабления способности вступать в отношения, что само по себе связано с дезинвестицией в себя и страхом перед публичной сферой. Среди людей, получающих долгосрочную помощь, увеличивается число психологических симптомов, которые аутентифицируются как таковые. В результате всего этого "психиатрам" становится все труднее проводить различие между болезнями отверженных и психически больных, признанных таковыми в установленном порядке (по материалам статей ORSPERE)

- Вторая гипотеза связана с тем, что понятие исключения вводит критическое суждение об обществе и его институциональных органах, которые не способны управлять социальной сплоченностью и способствовать интеграции его членов. Понятие исключения изначально ограничивалось крайней бедностью, но сегодня оно расширено и включает в себя нестабильные ситуации: экономическую незащищенность, нестабильность брака и семьи, трудности в управлении тревогой и стрессом, трудности в адаптации к мобильности, изменениям, ограничениям или давлению. Речь идет не о том, чтобы вызвать ответственность здесь (государственные органы, глобализация, школы или компании) или там (уязвимые люди). Чтобы понять связи и конфликты между идентичностью и исключением, нам необходимо ввести посреднические понятия, предположить существование процессов, которые могут объяснить правила и отсутствие правил, разрывы и стратегии, позволяющие избежать их или справиться с ними. Среди тех, которые приходят на ум: общительность и сети отношений, механизмы легитимации и авторизации, способ, которым человек придает смысл своему опыту, способ, которым человек выбирает важные для него привязанности или отчуждение, которое мешает ему выбрать свои привязанности и деятельность, связанную с этими привязанностями. Понятие разобщенности, о котором говорит Кастель в связи с исключением²⁶, не должно заставлять нас забывать, что человек может испытывать профессиональную разобщенность (безработица, сдача в гардероб и т.д.), но найти компенсаторные или восстановительные связи в другом месте, или просто альтернативные связи. Правда, как напоминает нам Паугам, "статистика доказывает, что экономическая изоляция сопровождается потерей общительности и меньшим участием в жизни общества"²⁷. Но верно и то, что идеализированный образ наемного работника и квази-священная ценность труда больше не популярны. Однако я по-прежнему считаю, что работа все еще может функционировать как оптимальный опыт, согласно выражению, дорогому Роджерсу и взятому на вооружение сегодня теми, кто развивает позитивную психологию (которая, конечно же, противоположна позитивистской психологии!)²⁸. Я считаю полезным обратиться к ним, чтобы лучше понять реальный опыт людей, живущих в сложных ситуациях.

Возвращение к более позитивным взглядам на сложные ситуации

Позитивная психология стремится проанализировать условия доступа к оптимизму, счастью и благополучию даже в сложных ситуациях. После Роджерса и его книги "La relation d'aide et la psychothérapie" (2005, ESF), мы можем упомянуть Чиксентмихайи и его теорию потока (1990), переведенную на французский язык под названием "Vivre, la psychologie du bonheur" (2004). Среди непереуведенных, но важных американских авторов и работ: Argyle (2001), Peterson and Seligman (2004), Snyder, Lopez (2001), Gillham (2000) и на испанском языке Vera Poseck (2006). Интересно отметить, что Мартин Селигман (1995, 1998, 2002), один из лидеров позитивной психологии, в течение многих лет был всемирным популяризатором исследований того, что он называл "выученной беспомощностью" (см. 1974). Эти ранние исследования, несомненно, были полезны для понимания депрессивных процессов, но переход Мартина Селигмана к пониманию позитивной динамики человеческого развития, в

²⁶ Castel (1999) Les métamorphoses de la question sociale : une chronique du salariat Paris Gallimard

²⁷ Упоминается во время дебатов, организованных НКЗН, см. Paugam (2001)

²⁸ См., в частности, фундаментальную работу Михали Чиксентмихайи (2004).

частности, оптимизма, счастья и благополучия, является важной частью усилий по противодействию преобладающей виктимизации/агрессии и предложению более гуманистических и гуманитарных вмешательств.

"Исключенные или нет... они хотят выжить!"

Как справедливо отмечает Себастьян Шер (1999, 2001), жизнь не ограничивается работой... И если человек теряет работу, он, тем не менее, должен продолжать жить... Более того, трудности могут возникать не только из-за безработицы, "отдаление, отрыв, диссидентство - это (также) часть жизни". Но предел невыносимого наступает, когда несчастья множатся. Как уже упоминалось (Tap, Tarquinio and Sordes-Ader, 2002), умножение стрессовых событий (безработица, болезнь, разрыв брака, но также административные процедуры и другие повседневные заботы) играет важную роль в том, как человек может справиться с ситуацией. Переменные "идентичности", такие как социальное происхождение, возраст, пол и т.д., оказывают незначительное влияние на благополучие, особенно среди подростков. Напротив, характер и количество повседневных трудностей и важных событий, с которыми сталкивались соответствующие лица в предыдущие два года, оказывают большое влияние на падение уровня благосостояния. Падение уровня субъективного благополучия имеет тенденцию ускоряться после двух или трех событий (Гроб)²⁹. Этот результат, очевидно, напоминает нам о том, что устойчивость имеет свои пределы³⁰; но он также поднимает вопрос о самом происхождении умножения трудностей: являются ли они неудачными совпадениями, случайностями, спровоцированными самим человеком, которые умножаются с усилением его уязвимости, или же это социальное воздействие через отношение и поведение, основанное на отвержении и стигматизации этого же человека?

От выживания к жизни... Или позитивное управление трудными ситуациями.

Негативная тема", как выражается Шехр (1999, 2001), обычно связана с предположением, что бездомный не делает того, что должен, чтобы решить свои проблемы и защититься от ситуаций, с которыми он сталкивается, а также бороться с деструктивной частью себя. Эволюция сознания и признание сложности причин отчуждения привели к отказу от образа отчужденного человека только как ленивого и антисоциального. Тем не менее, (американский) образ противопоставления "победителей" и "проигравших" все еще очень силен в популярных представлениях. Первоначальная концепция "неуязвимого" живучего была также основана на этом представлении. "Чтобы выбраться из этого, нужно..." действовать, сосредоточиться на проблеме, а не на эмоциях, которые она вызывает, взять на себя ответственность и т.д. Как говорит Шер, "мы способны думать о других только глазами типичной идеальной фигуры, своего рода идеала продуктивистского эго...; (мы должны, например) думать о других, безработных или нестабильных, без искажающего зеркала модели рабочего. Но это не только вопрос репрезентаций, как мы видели на примере Паугама, мы должны учитывать значения, реальное поведение и, в частности, способы адаптации

²⁹ Grob, A. (1996) Entwicklung und regulation des subjektiven wohlbefindens (рукопись хабилитации. Бернский университет), 69 с.

³⁰ Об устойчивости и ее связи с отчуждением см. замечательные работы Бориса Цирульника (1999, 2001, в частности). См. также Tap (2005), Vinay, Esparbès-Pistre и Tap (2000).

людей в ситуациях исключения. Шер согласен с этим, когда предлагает признать компетенцию так называемых "дисквалифицированных" и признать их право на "отсоединение". За это же выступает Гарнье-Мюллер (2000, 2001), пообщавшись с бездомными людьми. По ее словам, "бедные никогда не бывают пассивными, они реконструируют формы социальной интеграции и неформальные иерархии... Выживание в условиях нестабильности предполагает изобретение или рекомпозицию социальных связей"... "Наши поля исследования, отнюдь не являющиеся местами социальной апатии, представляют собой вселенную бурлящего поведения...". (Бедные) не сводятся к тому, чтобы цепляться за обрывки социальных связей, у них есть свои формы социализации, разрешающие что-то иное, чем отставка, несмотря на трудности"... И она добавляет: "Попрошайничество, мелкая торговля - это еще один способ организации и интеграции в социальном и экономическом плане"... У этих людей очень разные способы существования. Они могут проявляться в организации выживания, или в актах "мелких преступлений", или в зависимой агрессии, или в незаметной адаптации к бедности, переживаемой как постыдная. Поэтому вопрос связан с тем, как мы "квалифицируем" или "дисквалифицируем" такое поведение: либо мы ассимилируем его в "d-систему" (систему мусорщиков), как после последней войны, либо мы включаем его в категорию преступных действий. Во всех случаях возникает вопрос о сложном переходе между репрессивным поведением, основанным на "дисквалифицирующем" суждении, и поведением помощи лицам, находящимся в опасности, основанном на суждении "виктимизации". Можно сослаться на трудности полиции или местных властей, которые постоянно вынуждены "выгонять" бездомных, пришедших жить в такое-то и такое-то место в холодное время года (с помощью или без помощи Дон Кихота!). Сгонять бездомных - это забавно, но и печально, хотя я понимаю озабоченность сотрудников правоохранительных органов, а также политиков. Если человек вряд ли может эффективно бороться с отчуждением, жертвой которого он является или нет, важно посмотреть, как он использует свои внутренние ресурсы (жизнестойкость, способность контролировать и критически осмысливать ситуацию, копинг или способность позитивно управлять стрессом и т.д.). Но и тем, кто хочет им помочь, важно видеть, какой эффект оказывает помощь, которую они получают или могут получить (внешние ресурсы): поддержка семьи и друзей, знакомых или государственных служб, отвечающих за прием и поддержку людей, оказавшихся в трудной ситуации.

Исключение и устойчивость ³¹

Считается, что человек устойчив к внешним воздействиям:

1. если они пережили экстремальную ситуацию, событие с высоким риском дисфункции, "злоупотребление", вызывающее сильный стресс и в целом разрушительные последствия;
2. смогла ли она пройти через эту ситуацию, пережить это событие без серьезных разрушительных последствий для ее психологического и социального развития. Это

³¹ Я повторяю здесь, с некоторыми изменениями, то, что мы разработали с Мари-Кристин Ллорка для обзора CREAL-PACA "Au fil du mois" в специальном выпуске "Процесс исключения" (2004). Я хотел бы поблагодарить Мари-Кристин Лорка и Филиппа Пито, который занимался этим вопросом (см. Tap and Lorca 2004).

касается всей жизни, потому что развитие не останавливается в подростковом возрасте!

Один из первых анализов психологического воздействия экстремальной ситуации был сделан американским психоаналитиком Бруно Беттельхаймом. В книге "Выжить" (1979) он утверждает: "Мы оказываемся в экстремальной ситуации, когда внезапно оказываемся в таких жизненных условиях, в которых наши старые ценности и механизмы преодоления больше не работают, а некоторые из них даже угрожают самой жизни, которую они должны были защищать... Внезапный и одновременный крах всех (наших) защитных механизмов против тревоги смерти ввергает нас в то, что я назвал, за неимением лучшего термина, экстремальной ситуацией" (op. cit., 24). Поэтому жизнестойким человеком будет тот, кто выжил в экстремальной ситуации. Беттельхайм описывает две стадии этого процесса "выживания", две разные и в то же время очень связанные стадии:

- первоначальная травма, связанная с экстремальным режимом терроризма³² и вызывающая в то время деградацию личности, разрушение прежней социальной жизни в результате лишения поддержки;
- последующее влияние, с точки зрения уязвимости, на всю жизнь человека.

После этого выживший может реагировать тремя способами:

- 1. *Позволение себе быть разрушенным переживанием*, отношение, основанное на чувстве невозможности восстановить себя, на чувстве вины и ощущении воспринимаемой несправедливости: "Я так много страдал, и вдобавок ко всему я должен оправдывать себя, быть подотчетным!"
- 2. *Отрицание каких-либо долгосрочных последствий*. Человек не отрицает пережитый исторический факт, но он отрицает, подавляет или репрессирует все, что может быть связано с текущими последствиями; он отказывается от идеи необходимой личностной перестройки или неизбежной реструктуризации отношений, аксиологической или культурной перестройки. Этот процесс может быть сознательным (отрицание), предсознательным (отрицание, подавление) или бессознательным (подавление);
- 3. *Борьба за то, чтобы остаться в сознании и попытаться справиться с самыми ужасными для него измерениями, и суметь реинтегрировать (воссоздать) себя*³³.

Эти процессы, как нам кажется, применимы ко многим ситуациям³⁴, особенно связанным с отчуждением, в какой бы форме оно ни проявлялось. В такие тяжелые времена смысл и цель жизни навязываются сознанию людей. Как будто мы беспокоимся о цели жизни и смысле нашей личности только тогда, когда нам плохо,

³² В 1943 году Беттельхайм опубликовал статью под названием "Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях", которая начиналась так: "Автор провел примерно один год, с 1938 по 1939 год, в двух крупнейших немецких концентрационных лагерях для политических заключенных, Дахау и Бухенвальде".

³³ Здесь следует отметить, что Беттельхайм говорит о психической интеграции (или реинтеграции). Но определение интеграции в равной степени относится как к личной системе, так и к системе общества. Изменяется, конечно, характер системы, подсистем, а также способы функционирования и регулирования.

³⁴ Может показаться неприемлемым сравнивать жизнь отверженных с жизнью узников концлагерей, о которых упоминает Беттельхайм (который сам жил в двух таких лагерях). Но экстремальность ситуации зависит не только от объективных условий; она также зависит, как мы видели, от того, как человек переживает эти условия, и добавляет эмоции и чувства (тревогу, стресс, чувство несправедливости и невыносимости), которые могут задушить его и подтолкнуть к бегству от этого экстремального опыта, как внутри, так и снаружи.

когда мы находимся в невыносимой ситуации. Как отмечает Беттельхейм (1979), этот поиск позволит нам понять истинный смысл наших испытаний или, случайно, испытаний других людей, потому что "худшее из испытаний смягчается, как только человек верит, что состояние бедствия обратимо и что оно обязательно закончится" (op.cit. 15). Если жизнь теряет всякий смысл, человек считает, что самоубийство - это фатальное решение. Но искушение совершить самоубийство чаще всего связано с отчаянным криком о помощи, с желанием вызвать отклик у других, чтобы вернуть смысл собственной жизни, который является единственным противоядием от самоубийства, если он связан с любовью и помощью других людей (даже если человек бежит от этой помощи и отвергает ее). Действительно, можно считать, что на протяжении всей своей жизни человек сталкивается с множеством проблем, должен справляться или преодолевать множество конфликтов. Эти конфликты даже способствуют его или ее субъективной динамике (быть субъектом, который не подчинен или отчужден) и его или ее личной способности делать выбор, ориентироваться в проектах, придавать смысл своим собственным трудностям. Конечно, мы не должны забывать, что этот человек живет и развивается в социальных контекстах, которые включают свои системы правил (институты) и пропагандируют согласованные или противоположные системы ценностей (культуры). Другими словами, социальные структуры несут в себе значения, узаконенные произведениями культуры, системами верований и объяснениями мира и жизни, которые человек принимает, трансформирует или отвергает. Аналогичным образом, социальные изменения обязательно влияют на личностные изменения. Важно проанализировать эти динамические связи (Esparbès-Pistre and Tap, 2001). Постоянное противостояние субъектов и институтов провоцирует между первыми и вторыми настоящую "интерструктурацию" (Baubion-Broye, Malrieu and Tap, 1987). Существует не только взаимодействие или трансакция, но и взаимное структурирование или деструктурирование. В статье "Стойкость или борьба за жизнь" Серж Тиссерон (2003), психоаналитик и психиатр, вступает в войну с понятием стойкости, которое он ассоциирует с борьбой за жизнь, дорогой для американского менталитета. Устойчивость, поскольку она связана с "автономным эго", была бы случаем, благоприятствующим успеху наиболее способных, в соответствии с дарвиновской концепцией. Однако в американском представлении успех эквивалентен добродетели. Автор подвергает понятие устойчивости трем критическим замечаниям:

1 Это двусмысленно, поскольку скрывает хрупкость защитных механизмов, разработанных человеком для преодоления травмы. Психическая устойчивость может меняться непредсказуемым образом. Устойчивость "никогда не бывает прочной".

2. Устойчивость также маскирует огромное разнообразие защитных механизмов, предназначенных для борьбы с последствиями травмы. Одни механизмы призваны утвердить личный выбор, другие, напротив, подчеркивают безусловную зависимость от Другого, от группы.

3. Устойчивость охватывает процессы адаптации к травме, которые могут либо принести пользу "бывшей жертве" и ее окружению, либо принести пользу человеку за счет его окружения. Миф об искуплении был бы не за горами: "предполагается, что выживший человек преодолел темную часть своих страданий, чтобы сохранить только славную и светлую часть".³⁵

Но успешное преодоление травмы не означает, что исчезли все следы ненависти, ответного насилия по отношению к обидчикам. Возвращение социальных связей,

³⁵ Это последнее замечание вводит критику манихейства, лежащего в основе жизнестойкости: победители-жертвы, темная сила-светлая сила, манихейство, прямо выраженное в фильме типа "Звездных войн"!

возможно, "на неопределенное время притупило монстра, скрывающегося в глубинах уязвленных личностей". В заключение автор уточняет, что психоаналитики, которые интересовались сопротивлением травме (Ференци, Анна Фрейд, Винникотт), отказались от классификации под одним и тем же термином явлений, которые в большей степени являются результатом воздействия окружающей среды, чем психических возможностей каждого человека. Несколько авторов упоминают тот факт, что один и тот же психологический процесс может привести к лучшему или худшему в моральном или социальном плане. Мальрье (Malrieu, 2003) показывает, что процесс персонализации происходил и у эсэсовца, который оставил свое прежнее состояние и нашел в своей фашистской приверженности средство социальной валоризации и личной целостности. Более того, Мишель Ханус, психоаналитик и психиатр, в своей книге под названием "La résilience, à quel prix? Survivre et rebondir" (2001) анализирует примеры жизнестойкости людей, оказавшихся в трудной ситуации, в частности детей, которые, не падая духом, в этих испытаниях, похоже, развивают реальные способности к сопротивлению и даже самореализации. Интерес этих наблюдений заключается в том, чтобы показать, что у каждого человека есть скрытые ресурсы, которые могут быть мобилизованы в этих травмирующих обстоятельствах, и что худшее никогда не определено. "Однако мы не должны недооценивать реальность лежащей в основе эмоциональной раны, которая еще не зажила. Поэтому в отношении жизнестойкости, как и в отношении идентичности, мы сталкиваемся с парадоксальным понятием, которое включает в себя множество значений, но которое вводит в рассмотрение основной вопрос: доверие или недоверие к людям, психологическим процессам, установкам и человеческим механизмам. Мы можем решить, что глубины человеческой души "чуждо-злые" или "естественно добры", что жертва может стать палачом (путем идентификации с агрессором) или повторить свою виктимизацию. Работа над трилогией "агрессор/жертва/устойчивый" подразумевает принятие сложности, где каждый человек не является полностью черным, а другой - полностью белым, где каждый человек одновременно находится в поиске любви, власти и признания, и где личная история неразрывно связана с социальной связью и нарциссическим процессом. Мы также не можем отделить психосоциальные процессы от природы чувств по отношению к ценностям и динамики отношений между этими ценностями (научными, этическими, эстетическими, правовыми и реляционными). В заключение этого пункта следует отметить, что необходимо учитывать интерес широкой общественности к понятию устойчивости. В основе своей он воспринимается как призыв к надежде. "Если те, кто пережил экстремальные ситуации, не были уничтожены ими, то я тоже могу надеяться, могу видеть конец тоннеля. Надежда - это в некотором смысле иллюзия, которая поддерживает в нас жизнь. Но это обязательно должно быть уравновешено предвидением и реализацией проектов.

Исключение и внешние ресурсы: социальная поддержка

Человек может компенсировать негативные последствия объективных ситуаций потери за счет получаемой им социальной поддержки. Исследования, основанные на понятии социальной поддержки (или реляционной социальной поддержки), дают информацию о функциональных свойствах сетей и фокусируются на значимых для индивида сетях, то есть на социальных группах, которые символически и эмоционально важны для человека: для чего используются сети, действительно ли они помогают в трудных ситуациях, доступны ли они, или как люди их используют?

Первичная сеть (друзья и семья) является основным источником социальной поддержки; это промежуточное пространство или буферное пространство³⁶ между микро- и макросоциальным, через которое индивид может интегрироваться в общество и построить свою идентичность благодаря информационной и нормативной поддержке сети. Он играет роль сетки трапеции артиста, которая позволяет избежать захвата вторичными (социальными) сетями в случае трудностей (болезнь, безработица). Понятие социальной поддержки подразумевает, что каждый человек должен быть социально обеспечен. Его или ее сеть должна быть достаточной, хорошо настроенной и структурированной. Возникает вопрос об определении хорошей сети. Существование первичной сети поддержки для социального актора представляется тем более решающим, если она работает, если она дает возможность противостоять социальным проблемам и рискам. Патологические последствия исключения или маргинализации могут возникать в этих сетях, потому что "эти мельчайшие единицы социального организма следует рассматривать как носителей как своих проблем, так и их решений". Точно так же сеть может "перестать отвечать", когда человек, обесцененный болезнью или безработицей, больше не может сохранять свое место в системе, предполагающей паритет или взаимность. Донати (1994: 83) подчеркивает связь между формальными и неформальными сетями. "Сочетание формального и неформального представляется все более жизненно важным для нормального функционирования социальных отношений", подчеркивая тем самым необходимую социальную палитру отношений индивида, которые варьируются от близких интимных отношений до более свободных и отдаленных институциональных отношений, каждое из которых выполняет свою роль. Похоже, что использование поддержки, предлагаемой сетью, является частью более крупного стратегического целого, и что человек будет в большей или меньшей степени бенефициаром или сосредоточится на определенном виде помощи в соответствии со своими потребностями. Эффект социальной поддержки действительно модулируется значением, придаваемым ситуации. Мы показали (Tap and Vasconcelos, 2004),³⁷ что существуют психосоциальные механизмы, которые могут объяснить дифференцированные эффекты отсутствия гарантий занятости. Способ привлечения и регистрации в реляционных сетях информирует нас как о сферах деятельности, которые человек ценит, так и об ограничительной или ресурсной функции социальных связей. (Cazals-Ferré, M.P., Llorca, M.C, 2002). Некоторые стратегии фокусируются на важности реляционных связей и преуменьшают роль работы. В этом случае упоминание о работе лишь вскользь, потому что работа стоит на втором месте в иерархии целей. Использование всех сетей, близких, дружеских, формирующих и профессиональных, объединяет формальные и неформальные связи и постоянно поддерживает переходную ситуацию (безработицу), которая не переживается как разрыв. Эта концепция социальной поддержки связана с буферной моделью (Cobb and Kasl, 1977, Cohen and Wills, 1985). Эта модель утверждает, что социальная поддержка оказывает косвенное влияние на здоровье.

Связь между самооценкой и социальной поддержкой как средство борьбы с отчуждением

³⁶ Это эффект "буфера". например, Планчерель, Болоньини и Нуньес, 1999 г.

³⁷ В этом франко-португальском коллективном исследовании (Тулуза / Коимбра) мы показали, что психологические и психосоциальные различия между людьми, находящимися в нестабильном положении, и теми, кто не испытывает социально-экономических трудностей, существуют, но они не настолько сильны, как мы могли бы предположить.

На самом деле социальная поддержка приносит пользу только в том случае, если она отвечает потребностям и ожиданиям человека, столкнувшегося с конкретной авersiveivной ситуацией. Более того, действие поддержки эффективно только в том случае, если стрессор имеет высокую интенсивность и если "получатель" воспринимает согласованность между характеристиками проблемы, типом поддержки (эмоциональной, материальной) и источником (семья, друзья, коллеги). В некоторых случаях, однако, социальная поддержка, вместо того чтобы быть "умеренной", обычно вызывает усиление стресса и агрессивные реакции.³⁸ Согласно Надлеру и Фишеру (1986), западное общество требует от людей непогрешимости и самодостаточности. Она мотивирует людей на основе "позитивной" модели автономии и конкуренции. Просьба о помощи воспринимается уже в школе как доказательство некомпетентности и неадекватности. Конечно, этому процессу влияния можно противопоставить воспитательные, педагогические и реляционные методы, которые по-другому направляют отношения помощи. Но когда человек систематически учится связывать свое личное достоинство, свою самооценку с задачей, он будет чувствовать, что его достоинство ставится под сомнение, а его личная ценность находится под угрозой, когда другие хотят оказать ему поддержку. Затем авторы противопоставляют две точки зрения. Первая, классическая перспектива уязвимости, предполагает, что человек с низкой самооценкой не решится попросить о помощи (-- стратегия)³⁹; и наоборот, человек с хорошей самооценкой сочтет естественным попросить о помощи (++ стратегия). Во второй, противоположной, перспективе согласованности, человек с хорошей самооценкой будет чувствовать угрозу от помощи других и будет избегать просить о ней (+- стратегия); и наоборот, человек с низкой самооценкой будет обращаться к другим как к начальству, к которому естественно просить о помощи (-+ стратегия). Эти четыре стратегии, несомненно, существуют в реальности. Они также могут следовать друг за другом у одного и того же человека в зависимости от периода его жизни. Два понятия, упомянутые Надлером и Фишером (самооценка и согласованность), представляют собой два основных измерения любой идентичности: позитивность (самооценка, ощущение личной ценности) и единство (согласованность, последовательность) (Tap, 1991, 1993). Однако перед лицом отчуждения возникает кризис идентичности, который часто рискует вылиться в насилие, как над собой, так и над другими. В заключение следует отметить, что идентичность всегда управляется в промежутке между психическим и социальным, между собой и другим, даже когда люди хотят изолировать себя или вынуждены это делать, чтобы спастись от невыносимого.

Библиографические ссылки

Abric, J.-C. (ред.), *Exclusion sociale, insertion, prévention*, Toulouse, Eres, 2003.

Аргайл, М. (2001). *Психология счастья*. Рутледж.

Baubion-Broye, A., Malrieu, P. & Tap, P. (1987). L'interstructuration du sujet et des institutions, *Bulletin de Psychologie*, 379, 5-9, 435-447.

³⁸ После этого замечания дальнейшее ассоциирование социальной поддержки с термином "модератор" вызывает сомнения. Термин "модулятор" был бы более подходящим. Это означает, что социальная поддержка может увеличить или уменьшить стресс, увеличить или уменьшить риски или защиту.

³⁹ Первый знак обозначает самооценку (+ или -), второй знак - отношение к социальной поддержке (+ или -)

Беттельхейм, Б. Выживая. (французский перевод), Париж, Робер Лаффон 1979 (1-е издание, 1952)

Картрайт, Д., Зандер, А.Ф. (ред.). Групповая динамика: исследования и теория, New-York, Harper & Row, 1968 (3-е издание).

Castel, R. De l'indigence à l'exclusion: la désaffiliation. В книге Ж. Донзелота "Лицо исключения", Париж, Esprit, 1991.

Castel, P. Les métamorphoses de la question sociale, une chronique du salariat, Paris, Fayard, 1995.

Кастель, П. Участие в образовательном круглом столе CNDP/ Alternatives économiques: "L'exclusion existe-t-elle? Март 2001 года

Кастра, Д., L'Insertion professionnelle des publics précaires, Париж, Puf, coll. "Le travail humain", 2003.

Cazals-Ferré, M.P. and Llorca, M.C. L'impact de la précarité sur la vulnérabilité et la santé des individus, Pratiques psychologiques, n° spécial Précarités, n°4, Paris, P.U.F. p. 51-65. 2002

Чиксентмихайи, М. (1990). Поток: Психология оптимального опыта. Издательство "Харпер Коллинз". Французский перевод: Vivre, la psychologie du bonheur (2004, Laffont) (2005, Pocket).

Цирульник, Б. Кафедра и люди. Париж, Одиль Жакоб, 2006 Цирульник, Б. Парлер любви на борту гужре. Париж, Одиль Жакоб, 2004

Цирульник, Б. Ропот фантазий. Париж, Одиль Жакоб, 2003 Цирульник, Б. Маленькие канарейки. Париж, Одиль Жакоб, 2001

Цирульник, Б. Un merveilleux malheur. Париж, Одиль Жакоб. 1999

Donati, P. (1994) La prospective relationnelle dans l'intervention de réseau: fondements théoriques. В книге Sanicola, L. dir. L'intervention de réseaux, (pp. 61-109), Paris, Bayard.

Донзелот, Ж. Лицо отчуждения, Париж, Esprit, 1991.

Dupriet R., Ladsous J., Leroux D., Thierry M., La Lutte contre l'exclusion: une loi, des avancées, de nouveaux défis, ENSP, Rennes, 2002.

Emmanuelli X., L'exclusion peut-elle être vaincue? Париж, Лаффон, 2003

Эспарбес-Пистр, С. и Тап, П. Идентичность, проект и адаптация во взрослой жизни. Carrièreologie Revue Internationale Francophone, vol. 8, n° 1, 2001, 133 - 145.

Garnier-Muller, A. Les Inutiles: survivre en banlieue et dans la rue. 2000 Paris, Ed. de l'Atelier.

Гарнье-Мюллер А. Участие в образовательном круглом столе CNDP/Alternatives économiques: "Существует ли отчуждение? Март 2001 года.

Gillham, J.E. (Наука оптимизма и надежды: исследовательские эссе в честь Мартина Э. П. Селигмана. 2000, Рэднор, ПА: Издательство Фонда Темплтон.

Grob, A. Entwicklung und regulation des subjektiven wohlbefindens. Хабилизационная рукопись, Бернский университет, 69 страниц, 1996b.

Ханус, М. Устойчивость какой ценой? Выжить и возродиться. Париж, Малуан, 2001

Каэс, Р. и др. Дифференциации культуры и суфранс идентичности, Париж, Дюнод

Ллорка, М.К., Казальс-Ферре, М.П. Пуссен, М. Интеграция и социальная поддержка у П. Тапа и М. де Л. Васконселоса. Убогость и психологическая уязвимость. Сравнительные франко-портативные исследования, (стр. 71-88), Тулуза, Эрес, 2004 г.

Malrieu, Ph. La construction du sens dans les dires autobiographiques, Toulouse, Erès.

Монмоллен, Ж. де Социальное влияние. Явления, факторы и теории. Париж, P.U.F. 1977

Надлер, А., Фишер, Дж. Д. Роль угрозы самооценке и воспринимаемого контроля в реакции получателей на помощь: развитие теории и эмпирическое подтверждение. В L. Berkowitz (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*, vol. 19, (стр. 81 - 123), New-York, Academic Press.

Parizot, I., Soigner les exclus. Identités et rapports sociaux dans les centres de soins gratuits, Paris, Puf, "Le lien social", 2003.

Паугам, С. Французское общество и его бедняки, Париж: P.U.F. 1993 г.

Paugam S. L'exclusion, l'état des savoirs, Paris, La Découverte. 1996

Паугам, С. (2001) Участие в образовательном круглом столе CNDP/Alternatives économiques: "Существует ли отчуждение? Март 2001 года.

Paugam, S., La Disqualification sociale. Essai sur la nouvelle pauvreté, Paris, Puf, 2002, 2-е издание.

Петерсон, К. и Селигман, М. Э. П. (2004). Сильные стороны и добродетели характера: справочник и классификация. Издательство Оксфордского университета.

Планшерель, Б., Болоньини, М. и Нуньес, Р. Гипотеза буферного эффекта в дошкольном возрасте. В М. Bolognini, B. Plancherel, R. Nuñez и W. Bettschart Доподростковый возраст. Теория, исследования и клиника.

Рикур, П. Свое-чужое как чужое. 1990, Париж, Seuil 24

Роджерс, К. Отношения помощи и психотерапия 2005, Париж, ESF

Schehr, S. La vie quotidienne des jeunes chômeurs. 1999, Париж, ПУФ

Шехр, С. Участие в образовательном круглом столе CNDP/Alternatives économiques: "L'exclusion existe-t-elle? Март 2001 года

Селигман, М.Э.П. Депрессия и выученная беспомощность в книге Фридман, Р.Дж. и Кац, М.М. (ред.) Психология депрессии: современная теория и исследования. 1974, НЬЮ-ЙОРК. Уайли.

Селигман, М.Э. П. Аутентичное счастье: использование новой позитивной психологии для реализации вашего потенциала для длительного удовлетворения. 2002, NY Free Press.

Селигман, М.Э.П. Выученный оптимизм. 1998, Нью-Йорк: Pocket Books (Simon and Schuster).

Селигман, М.Э.П. Оптимистичный ребенок: проверенная программа защиты детей от депрессии и формирования жизнестойкости на всю жизнь. 1995, NY Harper Perennial.

Селигман, М.Э.П., Рейвич, К., Джейкокс, Л., и Гиллхэм, Дж. Оптимистичный ребенок. 1996, Нью-Йорк: Харпер Коллинз.

Снайдер, К.Р., и Лопес, С. Дж. Справочник по позитивной психологии. 2001, Оксфорд Университи Пресс.

Сордес-Адер, Ф. и Тап, П. Социально-экономическая незащищенность и уязвимость, *Pratiques psychologiques* 2002, 4, 66- 78

Тап, Р. Socialisation et construction de l'identité personnelle. В книге Н. Malewska-Peyre и Р. Tap *La socialisation de l'enfance à l'adolescence*. 1991, Париж, P.U.F.

Тап, П. Кризис идентичности, депрессия и наркомания в подростковом возрасте. В книге П. Тап и Х. Малевска-Пейре (ред.) *Маргинальность и нарушения социализации*. 1993, Париж, P.U.F.

Тап, П. Идентичность, признание и трудовые отношения. Специальный выпуск "Социология действия. Участие Рено Сенсоля". *Социология, Практика*. 2003, n° 8, 69-75.

Тап, П. Идентичность и исключение. *Connexions*, 2005, No. 83, pp. 53 - 78.

Тап, Р., Beaumatin, A., Esparbès, S., Michon-Tap, C. Insertion et Intégration sociales: des notions aux pratiques. *Annales de Vaucresson*, 1990, n° 32 - 33, pp. 69 - 81.

Тап, Р., Llorca, M.C. Исключение, бедность, интеграция, насилие, устойчивость и социальная поддержка: от концепций к практике. Специальный выпуск "Процесс исключения", *Revue Au fil du mois ... CREA PACA*, 2004, pp. 7 - 17.

Тап, П., Таркинио, К. и Сордес-Адер, Ф. Здоровье, болезнь и идентичность в книге Г.Н. Фишера "Трактат по психологии здоровья", 2002, (стр. 135 - 162), Париж, Дюно.

Тап, Р., Vasconcelos M. de L. (под руководством), Précarité et vulnérabilité psychologique, comparaisons franco-portugaises. 2004 г. Тулуза, Эрес, 247 с. (Португальская версия: Precariedade e vulnerabilidade psicologica, Comparações franco-portuguesas. 2004 Coimbra, Fondation Bissaya Barreto, 287 p.).

Тиссерон, С. Ces mots qui polluent la pensée : "Résilience" ou la lutte pour la vie. www.monde-diplomatique.fr ; Août 2003.

Vera Poseck, B. Psicología Positiva: una nueva forma de entender la psicología. Papeles del Psicólogo vol. 27: 3-8, 2006

Винай, А., Эспарбес-Пистр, С., Тап, П. Привязанность и стратегии преодоления в жизнестойкой личности. Международный журнал семейного воспитания. Специальный выпуск о жизнестойкости, 4, 1, 9-36.

Wallon, H. Les origines de la pensée chez l'enfant 1945, Paris, PUF.